

С точки зрения русских консерваторов конца XIX — начала XX вв армия представляет из себя не просто военную организацию или же одну из опор монархического режима. Судьба армии напрямую связывалась ими с государственностью России, с её независимостью и могуществом на внешнеполитической арене.

Армия также являлась носителем идеи ранга и дисциплины, а армейская иерархия, по мнению консерваторов, была связана с православной духовной иерархией.

Уже в те годы либеральное общество относилось к военным с большим предубеждением. Их обвиняли в реакционности и невежестве, осмеивали строгую дисциплину и порядок. Но когда приходилось не на словах, а ценой жизни защищать отечество, то, как писал К.Н.Леонтьев, *«не юристам и не педагогом, не людям, мечтающим, вероятно, о всеславянской «говорильне «опе-шит Россия доверить судьбу свою, а славным военным вождям, привыкшим уже смолоду смотреть, не содрогаясь, в лицо самой смерти, и не стесняясь пустыми фразами прогресса, налагать на непокорных уздуспасительного насилия. Без насилия нельзя. Неправда, что можно жить без насилия. Насилие не только побеждает, оно и убеждает многих, когда за ним, за этим насилием, есть идея.»*

1

Нужно отметить, что К.Н.Леонтьев не воспевал насилие ради него самого. Он писал, что консерватизм, лишённый религиозного оправдания, опирающийся на грубую силу и отвечающий на требования оппонентов «картечью и штыком», не может существовать долго. Военные так же должны действовать в определённых нравственно-религиозных рамках. Необходимо служение высшим идеям. Повинуясь этим высшим идеям, «воины меча» соединяются, по мысли Леонтьева, с «воинами духа» — священниками, которые, как и военные, имеют право *подчинять* в подвластной им области, но и сами должны подчиняться высшим духовным идеалам.

Участник Крымской войны, видевший смерть и страдания людей, Леонтьев совершенно по-особому относился к армии. Известный публицист И.И.Колышко, знавший Леонтьева, писал об этом: «Люди пера, по мнению К.Н.Леонтьева, при всех их личных достоинствах,

при всём подъёме их нравственных сил, не могут проявлять в жизни столько поэзии и не могут быть столь натуральными, как, например, армейский офицер на военном бивуаке, потому уже, что вся их внутренняя работа сосредоточена, концентрирована в себе и уходит на изображение образов, ими задуманных; образы же живые, рядом стоящие, для них только — модели, типы, равно как и единичные, будничные факты; к ним они подходят не непосредственно, а сквозь призму своего я, в котором, может быть, много искренности и поэзии, но много и скептицизма, тщеславия, самоуверенности и литературной черствости...»

2

Леонтьев уловил главное: интеллигенция («люди пера») *живёт мифами*, военные («воины меча») *живут реальностью!*

Высшее общество и литературные салоны, где бывал Леонтьев перед тем, как решил принять участие в войне, казались ему болезненными и скучными, тяжёлыми для души, а всё военное казалось здоровым и развивающим душевные силы.

«Божественное учреждение» — эти слова в отношении войны употребил Леонтьев в «Варшавском дневнике» от 21 февраля 1880 года. Он считал, что война несёт не только «частные бедствия», но и позволяет раскрытию подлинных качеств человека, подлинного величия подвига во имя Родины. Именно на полях сражений проверяются люди. В статье «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой» он писал: «...я верю, что благо тому государству, где преобладают эти «жрецы и воины» (епископы, духовные старцы и генералы меча) и горе тому обществу, в котором первенствует «софист и ритор»... Первые придают форму жизни; они способствуют её охране; они не допускают до расторжения во все стороны общественный материал; вторые, по существу своего призвания, склонны способствовать этой гибели, этому плачевному всерасторжению...»³

Борьба «софистов и раторов» с военными не только дело прошлого. Их глубинное противоречие особенно ярко проявляется в экстремальных для государства ситуациях, в чём мы и сами могли убедиться в последнее десятилетие так называемой перестройки. Полностью оправдывая слова Леонтьева «общество... простирает руки не к ораторам или журналистам.., а к людям силы, к людям повелевать умеющим, принуждать дерзающим!» Оказавшись в мирное время в состоянии упадка и безнадёжности, население ищет защиты именно у военных.

Другой мыслитель В.В.Розанов, развивая идеи Леонтьева о связи духовно-го, военного и народного корня подчёркивал необходимость сознательно-го единения армии и народы во благо отечества. Он писал: «Россия, страна мужиков и попов, снаружи должна быть солдатскою, и эта солдатская, мужицкая и поповская — не колеблется ни от чего.»⁴

Размышления о роли армии К.Н.Леонтьева и В.В.Розанова схожи с мыслями Антуана Анри Жомичи, одного из организаторов первой российской военной академии, генерал-лейтенанта русской армии. Он, как и Леонтьев, предсказывал бедствия тем странам, в которых «роскошь откупщика и кошелек биржевого дельца» предпочитают мундиру воина, посвятившего жизнь обороне отечества от врагов.

Таким образом, армия не воспринималась консерваторами как бездушная машина. Её служба отечеству сравнивалась с религиозным служением, считалась духовным и физическим подвигом. Отводя армии значительную роль в деле сохранения российской государственности, консерваторы были далеки от слепой идеализации военных. В своём труде «Монархическая государственность», изданном в сложном для армии 1905 году. Лев Тихомиров затронул и армейскую проблематику. Одной из причин военных неудач он считал излишнюю бюрократизацию в войсках, подавление инициативы и самостоятельности. Л.А. Тихомиров отмечал, что лучшие из отечественных полководцев всегда заботились о развитии в войсках личной инициативы. Этот «дух инициативы», заложённый ещё в древнейшие времена, не исключал в то же время и строгой дисциплины. Бюрократизация, не тождественная дисциплине, проникнув в армейскую жизнь, сковывает собой всю иерархическую военную структуру. Каждый становится простым винтиком в огромной машине. Всё это приводит к фатальным последствиям. «Войсковая канцелярщина развивается едва ли не сильнее гражданской. В этой канцелярской всепредписанности, в привычке о всём спроситься и ничего не сметь сделать по своему соображению, воспитывается офицер. Неспособные выдержать столь механическое существование или уходят, или затираются на низших местах. Наверх выходят только люди, успешно прошедшие горнило обезличенности...»⁵ Далее Тихомиров предупреждал, что в критическую минуту внешней или внутренней опасности бюрократизированное государство почти фатально обречено на крушение. Привыкшие к по-виновению военные структуры ждут приказаний, «а начальство далеко».

Засилие бюрократии отмечалось и самими военными, сетовавшими на то, что получившие отличную подготовку офицеры Генерального штаба занимаются чисто канцелярской работой.

Выступавшие за сильную и дисциплинированную армию консерваторы считали, что принципы единоначалия и дисциплины не тождественны бюрократическому показушному «порядку». Так, И.А.Ильин уже после 1917 года отмечал важность соединения воинской дисциплины и широкой творческой инициативы. При этом инициатива не отождествлялась со вседозволенностью, а дисциплина с палочным обхождением. По мнению мыслителя «...воинская дисциплина... оказывается наиболее могучей и успешной именно тогда, когда она не-соста свободным человеком — совестно, честно, предметно и инициативно».6

И.Ильин ставит в пример А.В.Суворова и отмечает, что военная доктрина последнего являла «гениальный синтез монархической дисциплины и республиканской инициативности». Такую же оценку даёт Суворову и Л.Тихомиров.

Армия, по Ильину, представляет собой единый организм, где каждый человек вне зависимости от его звания и положения подчиняется не только согласно распоряжению командира, но и собственной инициативе. Он отмечал, что в армии идеально осуществляется один из главных принципов монархии: человек приобретает умение подчинять и подчиняться «не только за страх, но и за совесть».

В качестве возможных опасностей для республиканской армии Ильин выделял слепую переоценку принципов «свободы», «контроля снизу» и «избрания», а в качестве опасностей для армии монархической такую же переоценку принципов «несвободы», «безконтрольности» и «назначения». По его мнению и анархия и излишняя формализация одинаково пагубны для армии.

И.Ильин, как и К.Леонтьев, стремился объединить воинское и религиозное служение, найти «духовный смысл войны». Он считал, что армия должна чувствовать, что она сражается за правое дело. Правое не только в сиюминутном политическом смысле, но и в смысле духовно-нравственном. Армия сильна поддержкой всего народа. В этом случае сражение получает значение духовного подвига.

Помимо бюрократизации консерваторов также тревожило растущее в обществе негативное отношение к армии. В период развития капиталистических отношений многие молодые и предприимчивые люди предпочитали военной профессии

гражданскую службу, сулившую к тому же и определённые материальные выгоды. Это было отмечено А.Куропаткиным в докладе Николаю II. Ещё в 1900 году он предупредил, что в армию кроме тех, кто испытывает интерес и призвание к военной службе, идёт большое количество людей, не сумевших найти себе место в гражданской жизни.

Падение престижа военной службы во многом было связано с тем, что общественное движение, увлечённое идеями либерализма и свободы, видело в военных заведомых «ретроградов» и подвергало их остракизму. Критика в адрес армии особенно усилилась в трагический период русско-японской войны.

Консерваторы всячески подчёркивали, что просчёты и ошибки русского военного командования ни в какой мере не умаляют подвига простых русских солдат и офицеров. Проблема негативного отношения к армии, а также связь между воинским и религиозным служением, неоднократно упоминалась в речах протоиерея Иоанна Восторгова. Наиболее показательными в этом отношении являются его речи «Тайна обаяния великого полководца», посвящённая столетию со дня смерти А.В.Суворова, «Воинское дело и звание», «Вечной памяти русских воинов-мучеников, в Порт-Артуре убиенных», «Памяти русских воинов, отдавших жизнь за отечество в войну с Японией», «Воинское звание» и другие. И. Восторгов объединял церковь и армию в их борьбе со злом, как делали это и другие консервативные мыслители. Он заострял внимание на том, что в воинском служении христианством подразумевались элементы жертвенности во благо своей страны. Подобного взгляда придерживался и И.Ильин, неоднократно обосновывавший применение силы оружия ради спасения родины и доказавший, что подобное «сопротивление злу силою» не противоречит религиозным нормам.

Иоанн Восторгов также выступал против отношения к военным как к наёмникам и резко критиковал пораженчество периода русско-японской войны. «Никогда со времён начала Руси не обнаружилось в такой степени в людях, считавших и считающих себя представителями русской мысли, отсутствие самого посредственного государственного разума, патриотизма и простой порядочности. Этот момент скорби и потрясения отечества они сочли удобным, что-бы... свести счёты с правительством...»

Он считал, что пропаганда пораженчества затрагивает не только правительство, но и в большей степени оскорбляет самих участников войны. Известия о настроении в тылу проникают в действующую армию. «Каково было ей, при невероятных трудностях, при отдалённости от внутренней России, при медленности пополнения войск, при виде всех преимуществ на стороне противника, — каково было ей при таком отношении

печати делать своё дело? Каково было воину идти и умирать, и в то же время быть уверенным, что позади раз-дастся не похвала и благодарность, а насмешка и осуждение?»⁸

Автор отмечает, что втягивание армии в политическую борьбу может привести к тяжёлым последствиям для всей страны.

В 1906 году публицист «Нового времени» М.О.Меньшиков писал по поводу политизации армии: «Если не будет принято быстрых и нравственно-достойных мер, революционное брожение охватит в два-три года всю нашу «униженную и оскорблённую» армию сверху до низу... Но теперешние революционеры жестоко ошибутся в своих расчётах. Растроенная армия может им дать власть, но с тою же лёгкостью и сокрушить их. Пока армия в руках Государя, она безопасна для той свободы, какую Он дал народу. Но вышедшая из повиновения армия может разгромить страну — и правых и левых одинаково... Но тогда конец России. Армия станет одинаковой опасностью и для монарха, и для парламента. Она поминутно будет врываться в верховное управление... Игрушка партий, она перестанет служить стране — и станет её вечной угрозой».*)

Опасения консерваторов подтвердились в период первой мировой войны, ставшей, по словам генерала Ю.Н.Данилова, прологом к революции. Осмысливая впоследствии крушение власти и армии, А.И.Деникин заметил: «Армия в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России. Её участие в ходе революции, её жизнь, растление и гибель — должны послужить большим и предо-стерегающим уроком для новых строителей русской жизни».⁹

Слова о единстве армии и народа, о связи армии и государства, сказанные отечественными мыслителями консервативного направления почти сто лет на-зад, остаются актуальными и в наше время.

1)Леонтьев К.Н. *Собрание сочинений*. СПб, 1913, т. 7, с. 115-116.

2) Кольшко И. И. *Маленькие мысли 98-99гг. СПб, 1900. с. 516.*

3) Леонтьев К.Н. *Избранное. М, 1993.с. 189.*

4) Розанов В. В. *Мимолётное. М, 1994. с.52.*

5) Тихомиров Л. А. *Монархическая государственность. СПб. 1992,с. 568-569.*

6) Ильин И.А. *О монархии и республике. Собр. соч. в 10 тт. М, 1994,т. 4, с. 536.*

7) Восторгов И. *ПСС в 5 тт. СПб. 1995, т.3, с. 201. 203.*

8) *Новое время. 1906, 7 мая.*

9) Деникин А. И. *Очерки Русской смуты. М, 1991, т. 1, с. 75.*